

Реставрация Троицкого собора. Фото из архива ЦАК МДА

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАВРЫ

Из воспоминаний митрополита Антония (Мельникова)

50 Митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (1924–1986) — свидетель эпохальных событий, на его глазах происходило возрождение Троице-Сергиевой Лавры из руин после четвертьвекового запустения, восстановление Московской духовной академии и семинарии и возвращение их под покров аввы Сергия.

Стоял холодный зимний день 1946 года. Всюду были заметны следы недавно окончившейся Отечественной войны, но постепенно всё оживало, восставало от страшного сна. Под руководством недавно избранного Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) налаживалась и церковная жизнь. По благословению Патриарха трое паломников отправились из Москвы в

Троице-Сергиеву Лавру, которая после ликвидации монастыря была отдана под музей.

Выйдя из поезда, мы вскоре увидели ее — бывшую Лавру. Она сливалась с серым суровым зимним небом, и лишь контуры облезлой черной колокольни указывали на место Лавры. Все купола храмов были замазаны серой краской ради военной маскировки. Шатались черные кресты, а

огромный крест с центрального купола Успенского собора, сорванный бурей, лежал, распростершись посреди лаврского двора.

Тихо и мертво

Когда мы вошли в огромный пустующий двор, какое-то грустное чувство овладело нами. Кругом все пусто, одиноко, все разломано и развалено. Кусочки старого асфальта на дорожках, обломанные пороги папертей храмов, покосившиеся, сгнившие двери, выбитые стекла, зияющие ниши окон, из которых шумными ватагами вылетали галки.

Особенно страшно выглядела Трапезная церковь, к которой нельзя было подойти близко. Гульбище, совершенно обвалившееся с южной стороны, каким-то чудом удержалось вдоль северной стены, но вступить на него никто не мог, так как огромные отверстия угрожали тотчас поглотить смельчака. Внутри Трапезной церкви во время войны располагалась швейная фабрика, которая перебралась в другое место, но оставила после себя столько мусора, что можно было подумать, будто его специально свозили туда.

Конечно, в Трапезной церкви иконостаса не осталось. Настенные изображения были замазаны краской, и лишь форма помещения говорила о том, что когда-то здесь находился храм.

Не лучше выглядел Успенский собор. Цоколь здания разваливался, трудно было подойти к паперти, где неизвестно для какой цели было поставлено чучело бурого медведя с распростертыми лапами. Здесь же хранились остатки кареты времен императрицы Екатерины Великой.

Нам удалось зайти внутрь Троицкого собора. Совершенно черный, он выглядел внутри очень печально. Посреди собора стояла серебряная рака с мощами Преподобного. Во время войны ее хотели отправить в глубокий тыл, но, не сумев справиться с огромной тяжестью, так и оставили посреди собора. Покрытая пылью и почерневшая от времени рака одиноко стояла перед Царскими вратами... Приложившись к закрытому гробу, мы помолились Преподобному, и как-то сразу стало светлее на душе, и даже собор стал казаться приветливее и чище; казалось, почерневшие иконы иконостаса всматривались в нас небесными взорами. Все было вокруг тихо и мертво, глаз искал мерцания лампы, ухо ловило церковное песнопение, но лишь музейные надписи окружали мощи Преподобного.

Обходя разваливающиеся лаврские крепостные стены, мы зашли в здание бывшей Московской духовной академии. Зайти было нетрудно: фундамент от когда-то существовавшей ограды легко было перешагнуть, дверей не было — они пошли в печь вместе с паркетными полами чер-

*Архимандрит Гурий (Егоров),
первый наместник восстановленной Лавры*

тогов. Вход был доступен всякому, но никто туда не заходил, так как кроме чугунной лестницы и обшарпанных стен там ничего не было.

Тяжелые вздохи вырывались из нашей груди, когда мы смотрели на то, что осталось от некогда цветущей великой Лавры, и тогда было трудно представить, что она снова воскреснет к жизни.

Новое братство

Когда было принято решение о передаче Троице-Сергиевой Лавры Московской Патриархии, Святейший Патриарх Алексей I прежде всего назначил наместника Лавры. Назначен был архимандрит Гурий (Егоров), который в то время служил настоятелем собора в Самарканде. Вскоре архимандрит Гурий прибыл в Москву и по благословению Патриарха Алексея поселился в Загорске на частной квартире, а по праздничным дням богослужение совершал в приходской церкви святого пророка Илии.

Загорские местные власти и музейные работники долгое время не хотели и слышать о передаче храмов церковникам. Только после неоднократных усиленных забот Святейшего Загорский музей сдал свои позиции, начались переговоры... В дальнейшем приходилось вести борьбу за каждый разбитый камень, за каждый метр земли, за

Успенские ворота Лавры. Фото из архива ЦАК МДА

каждый храм и уголок территории, и особенно — за жилую площадь.

Все помещения и крепостная стена были так густо заселены, что было трудно рассчитывать на то, что музей уступит какую-либо жилплощадь, приходилось откупать ее у квартирантов. Делалось это так: им предлагались деньги, и они перебирались в город, с выгодой приобретая там себе жилье. Но и в этих откупленных помещениях нельзя было поселить монахов, так как музей не давал согласия на пропуску.

Все лаврские помещения требовали срочного капитального ремонта. В то время, после окончания войны, в строительных материалах ощущался большой недостаток. Всюду воссоздавалась государственная промышленность, а для частных лиц отпускалось очень мало стройматериалов, и то по коммерческой цене. Приходилось платить за каждый кирпич для реставрации Лавры втридорога. Трудно себе представить, сколько требовалось кирпичей и всяких ценных стройматериалов для восстановления полуразрушенных зданий. Для одного гульбища вокруг Трапезной церкви потребовалось более миллиона кирпичей.

Но еще прежде всякой реставрации зданий, как только появилась возможность, были возобновлены регулярные богослужения в монастыре. Начались они со Страстной седмицы 1946 года, в нижнем храме под Успенским собором.

Первоначально братия состояла из наместника — архимандрита Гурия, москвича священ-

ника-целибата Иоанна Крестьянкина и двух послушников: Александра Хархарова¹ и Игоря Мальцева². К Светлой заутрене братия перешла в Успенский собор, и там с того дня начались богослужения. Гроб с мощами преподобного Сергия был перенесен в Успенский собор. Музей долгое время не хотел передать Лавре Троицкий собор.

Торжество обновления

Ко дню Святой Троицы в Лавру прибыл Святейший Патриарх и возглавил торжество обновления и восстановления Лавры. Но даже Святейшему Патриарху, настоятелю Лавры, не нашлось места в обители, и он останавливался за оградой монастыря, на частной квартире.

Это было первое служение Патриарха Алексия I в Троице-Сергиевой Лавре. Оно было особенно торжественно, вероятно, оттого, что все сослужащие и молящиеся сознавали величие этого дня, который был как бы официальным актом открытия Лавры. В тот день впервые открыли крышку гроба, и мы могли облобызать святые мощи великого и чудного отца нашего Сергия...

1. Впоследствии — архиепископ Ярославский и Ростовский Михей, скончался в 2005 году.
2. Скончался в сане протоиерея в 2000 году, будучи настоятелем Феодоровского кафедрального собора города Ярославля.

За литургией присутствовал председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Т. П. Карпов.

После окончания богослужения состоялся торжественный обед в доме Сарафановых, где жил наместник.

С того дня стала быстрее восстанавливаться жизнь в Лавре, начали приходить желающие спастись под покровом аввы Сергия, но разместить приходящих монахов нельзя было даже и в откупленных помещениях, так как администрация музея по-прежнему не прописывала ни наместника, ни братьев.

Прибывшие монахи размещались на частных квартирах в городе. Первым помещением для братии была общая братская трапезная, а потом, с великим трудом, постепенно стали вселять монахов под колокольню и в другие помещения, мало удобные для жилья.

Несмотря на материальные трудности, на отдаленность жилых помещений от храмов обители, братия горела духом и не жалела сил для того, чтобы своим трудом способствовать скорейшему воскресению святыни Русской Православной Церкви — Лавры Сергиевой.

Чудо-Лавра

Лавра воскресла из развалин и обломков. Могли остаться в запустении дом Живоначальной Троицы! По благословению преподобного Сергия, заботами его духовного сына и послушника Святейшего Патриарха Алексия ныне восстановлена

Лавра в прежнем величии, и, может быть, в настоящее время она в лучшем состоянии, чем была до революции.

Словно троицкий букет, красуется ныне чудо-Лавра, сияя золотом в лучах солнца, проповедуя даже своим внешним видом красоту небесного града и вечных обителей Живоначальной Троицы.

Теперь Лавра живет настоящей духовной жизнью, привлекая к себе верующих со всех концов Святой Руси. Все спешат к печальнику и великому чудотворцу преподобному Сергию. Снова, как и встарь, непрерывным потоком вливаются в святые лаврские врата богомольцы и, изумленные величием Дома Божия, созерцают преддверие рая небесного.

Теперь Лавра привлекает к себе не только верующих людей, но и всех ценителей и любителей национального искусства, и едва ли кто-либо из иноземных гостей не побывал в Лавре Преподобного. Теплятся лампы, ярко горят восковые свечи, не умолкает молитва, сияют обновленные иконы дивной кисти Рублева. Лавра живет полной, благодатной жизнью...

Теперь, когда Бог благословляет мне посетить Лавру, я вхожу во двор, переполненный богомольцами, и на минуту закрываю глаза, мысленно вспоминая Лавру, какой она была не так давно, всего лишь в 1946 году, а потом открываю глаза и говорю: «процвела, яко крин, пустыня».

*Текст подготовлен к печати
иереем Николаем Аникеевым*

Фото Дениса Матвеева